

ЧАСТЬ II

„КОРИДОР СМЕРТИ“

Глава I

Блокада прорвана! — Дорога на „Большую землю“. —
Первый поезд. — На новую работу

18 января 1943 года весь мир облетела радостная весть: блокада Ленинграда прорвана. Ликование ленинградцев было беспредельным. Блокада была прорвана, но еще не снята. Город-фронт требовал все больше и больше вооружения и боеприпасов, чтобы нанести сокрушающий удар врагу. Предстояло доставить много груза, а это могла сделать только железная дорога, связывающая Ленинград со страной.

Как только затихла битва у Шлиссельбурга, на место недавних ожесточенных боев, на узкую полосу земли между Ладожским озером и новой линией фронта, пришли военные железнодорожники: строители, движенцы, паровозники, путейцы, связисты. Под непрерывным огнем врага, засевшего на Мге, началась

героическая стройка. Зимой, в невиданно короткий срок, который в мирное время показался бы немыслимым, — в две недели — Ленинград был соединен с «Большой землей» железной дорогой. Она пересекала Неву, врезалась в высокий песчаный берег, выходила на открытое место, далее шла вдоль старинных каналов времен Петра I и, извиваясь, скрывалась в лесу, дерзко проходя в ряде мест недалеко от переднего края врага.

Одновременно с укладкой пути, на сваях строили мост через Неву. Он едва возвышался над водой, ширина его была такова, что человеку при встрече с поездом некуда было деваться. Если смотреть со стороны, то казалось, что поезд идет прямо по реке. Два месяца спустя построили другой мост, высокий и красивый. Его строили тоже под жестоким обстрелом. Но и старый мост еще долго служил свою службу.

Никогда не забудут железнодорожники Ленинграда торжественный день прибытия первого поезда с «Большой земли».

Было хмурое февральское утро 1943 года, шел мокрый снег. Задолго до прибытия поезда на перроне Финляндского вокзала собрались представители советских и партийных организаций города. На платформе было тесно от

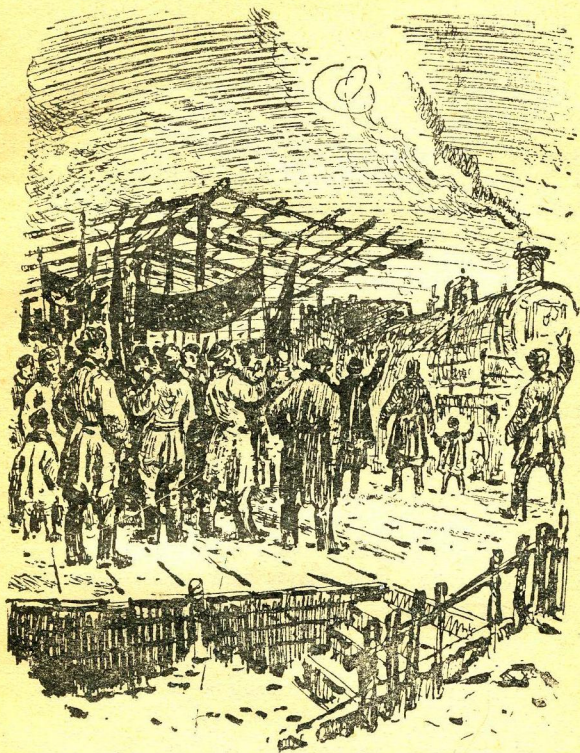
железнодорожников и гостей, прибывших отметить радостное событие.

В конце перрона возвышалась трибуна, ярко освещенная светом юпитеров. В воздухе стоял многоголосый шум: люди были не в силах сдерживать волнение. Ведь в Ленинград с «Большой земли» шел прямой поезд — первый после полутора лет перерыва! Вдали раздался протяжный гудок. Вот и поезд. Он медленно подошел к перрону. Голова поезда была украшена портретами вождей и красным плакатом: «Привет героическим защитникам Ленинграда».

На передней площадке паровоза стояли люди. Они махали платками, что-то кричали. В ответ под сводами вокзала прокатилось громогласное «Ура-а-а!!»

...В жизни человека есть минуты, когда слезы радости и восторга подступают к горлу. Не нужно стыдиться этих слез — они к лицу даже самому мужественному человеку. ... Торжественные звуки гимна медленно плыли в воздухе. Люди стояли без шапок. И в этот момент у многих собравшихся на глазах показались слезы. ...

Поезд привез делегацию Московско-Казанской железной дороги и возвращавшихся в Ленинград делегатов Октябрьской дороги, незадолго перед тем выехавших к шефам на Казанскую. Первый груз, прибывший в Ленинград по железной дороге, был подарком казан-

Вот и поезд. Он медленно подошел к перрону.

ских железнодорожников своим ленинградским товарищам.

Через несколько дней после прорыва блокады начальник депо объявил машинисту Александру Иванову и помощнику машиниста Валентине Семеновой, что они зачисляются в особую паровозную колонну, которая будет водить поезда по новой, срочно построенной ветке.

— Эта ветка соединяет Ленинград с «Большой землей», — пояснил он. — Ездить здесь — дело опасное, но почетное. Уверен — не подведете!

На новом участке Саша и Валя встретили своих старых знакомых — Кардаша и Морозова. Оба старика несколько поправились, хотя следы блокадного истощения еще были заметны на их лицах. В разговоре выяснилось, что Кардаша зачислили в паровозную колонну, которая объединила паровозные и кондукторские бригады. Морозов был назначен ревизором движения.

Глава II

Страдные будни. — Станция Шлиссельбург
возрождается

Начались страдные будни единственной железной дороги блокированного Ленинграда. Враг, выбитый из этих мест, остервенело бро-

сался обратно, стремясь уничтожить линию, работавшую на его гибель. Но дорога продолжала жить. По всему фронтовому участку расположились станции — боевые посты магистралей. Враг засыпал их снарядами, однако железнодорожники делали свое дело. Они продолжали водить и пропускать поезда, ремонтировать путь, разрушаемый обстрелами и бомбежками. Многие погибли, но ни один не ушел с поста, ни один не отказался от работы в «коридоре смерти», — такое название заслужил у железнодорожников отрезок железной дороги между Шлиссельбургом и Волховстроем, почти непрерывно находившийся под огнем врага.

Поезда шли только ночью: днем коридор на ряде участков просматривался врагом; ночью же гитлеровцы стреляли наугад. Поэтому, чтобы проскользнуть, машинисты старались вести поезда без шума, без дыма, без огня... Когда немецкий снаряд все же попал в состав, работа участка на несколько часов парализовалась, и поезда, назначенные для отправки в Ленинград, оставались «на той стороне».

Станция Шлиссельбург, от которой началась стройка прифронтовой магистрали, открылась для движения через три дня после про-

рыва блокады и прекращения боев в ее районе. Она должна была принимать поезда со строительными материалами.

В ночь на 21 января начальник отделения Янчук вызвал к телефону заместителя начальника станции «Ладожское озеро» Шевченко и приказал ему немедленно выехать в Шлиссельбург принимать станцию.

— Будет выполнено, — ответил Шевченко.

Он вышел на пути, прошел к берегу. Озеро, покрытое льдом, лежало у его ног. Издалека доносились голоса, в темноте виднелись неясные очертания кранов, слабо мерцали огоньки. Шла выгрузка. Шевченко задумчиво смотрел на знакомую картину. Прощай, Ладога!

На другой день он был уже в Шлиссельбурге.

Для восстановления станции в Шлиссельбург был направлен начальник восстановительного участка Александр Васильевич Шелепин — тот самый, который летом тысяча девятьсот сорок первого года был свидетелем ее разрушения.

Старанием Шелепина станция была открыта значительно раньше срока. Вместо уничтоженного вокзала был поставлен американский

товарный вагон, приспособленный под помещение дежурного по станции.

Шелепин и Шевченко ходили по путям и с грустью смотрели вокруг. Как переменялось все! Дома в поселке разрушены бомбами. Некогда красивая белая церковь изрыта осколками, купол ее снесен артиллерийским снарядом. И только напротив, на островке, гордо высилась старинная Петровская крепость, где четырнадцать балтийских моряков полтора года противостояли ожесточенным атакам немцев. Теперь на башне снова развевался красный флаг. А дальше, на другом берегу — безмолвный город, разрушенный гитлеровскими вандалами. В нем почти не осталось жителей: их угнали в Германию.

— За все это немцы нам сполна заплатят, — сказал Шелепин. — А теперь, Константин Терентьевич, скорее возьмемся за дело.

И они пошли к импровизированной станции, к которой один за другим прибывали поезда с рельсами, шпалами, строительными материалами.

Глава III

Первый рейс по новой трассе. — Налет врага. —
Смерть Вали

Бригада Иванова, возвращаясь в Ленинград, заканчивала свой первый рейс по новой трассе. В будке паровоза мерцала маленькая

лампочка, чуть освещаая манометр. Густая ночная тьма лезла в окна, и казалось, что по обеим сторонам поезда нет ничего, кроме бесконечной черноты. Иванов, напрягая зрение, смотрел из окна будки, время от времени вытирая платком мокрое лицо. Шел дождь. Машинист то и дело поеживался от холодных струек воды, стекавших за воротник. Мимо поезда, на короткий миг вырываясь из темноты, бесформенной массой мелькали разрушенные путевые будки, редкие заросли кустарника, столбы с тяжелыми нитями телефонных проводов.

Иванов изредка поглядывал на работавшую Валю. По ее лицу тянулись две черных полосы. Иванов засмеялся:

— Что, помощничек? Ишь, измазалась. Посмотри на себя — ведь на чертенка похожа!

Валя засунула руку глубоко в карман широкого комбинезона, пошарила там, вытащила зеркальце и при слабом свете лампочки посмотрелась в него. Правильно! На лбу и на носу — следы мазута; но стереть их с лица, находясь на паровозе, дело нелегкое: можно измазаться еще хуже. Она задорно тряхнула головой и спросила:

— А что, разве некрасиво?

Саша откровенно любовался девушкой; улыбка не сходила с его лица.

Тем временем Валя посмотрела на манометр и крикнула кочегару:

— Петр Иванович! Подбросим немного!

И вместе с ним начала бросать в топку дрова.

Вдруг все трое насторожились. Сквозь свист ветра и шум поезда они уловили рокот мотора. В будку паровоза ворвался яркий свет. Высоко в небе неподвижно повисло несколько осветительных ракет. Их ослепительное сияние позволяло видеть весь поезд.

.... Ну, сейчас начнется, — пробормотал кочегар.

Почти в ту же минуту немецкий летчик сбросил на поезд несколько бомб. Страшный грохот ударил в уши. В будку полетели комья земли, щепки. Просвистели осколки. Откуда-то в нос, в рот, в глаза полез едкий дым.

Когда дым рассеялся, машинист увидел, что у топки лицом вверх лежит кочегар. Тонкая струйка крови текла со лба по щеке и капала на пол. Валя кинулась к нему и, приподняв его, тревожно и растерянно позвала:

— Петр Иванович, очнитесь!..

Голова кочегара безжизненно повисла. Он был мертв.

Минуту спустя снова послышался нарастающий рев пикирующего самолета. Новые бомбы упали где-то совсем рядом; от обшивки ближайших вагонов полетели куски досок. Но поезд продолжал мчаться вперед. Израсходовав все фугаски, немецкий летчик сбросил над

поездом весь запас зажигательных бомб. Некоторые из них, с шипением выбрасывая пламя, упали на крыши вагонов. Вспыхнул пожар.

Во что бы то ни стало сбить огонь! С этой мыслью Валя схватила конец шланга и, карабкаясь по высоко уложенным дровам, полезла на тендер. Бомбы подожгли пять вагонов. Девушка взглядом измерила расстояние между тендером и крышей первого из них. Внизу стучали колеса, с бешеной скоростью уходил назад путь. Сильно бил встречный ветер. Вале стало страшно, тело охватила какая-то слабость, на минуту закружилась голова. Но девушка, точно уговаривая себя, прошептала: «Надо прыгать... Надо!».

Собрав всю свою волю, Валя перескочила через черный провал. Несколько поленьев с шумом упали назад, в будку паровоза, но девушка этого уже не слышала: под ее ногами качалась крыша вагона. А ближайшая бомба лежала на крыше третьего.

— А ну-ка, еще раз! — Охваченная азартом борьбы, Валя уже без остановок бежала по крышам, прыгая через страшные межвагонные пространства и волоча за собой длинный пожарный шланг.

Вот и бомба. Она враждебно шипела, осыпая девушку брызгами искр.

— Гадина, — прошептала Валя и сильной струей воды сбросила бомбу с крыши. Через

два вагона были видны еще две бомбы. Шланга нехватило, и девушка бросила его. Добежав до бомб, Валя яростным толчком ноги сбросила их вниз и сразу вскрикнула, почувствовав ожог.

Тем временем немецкий летчик, увидев, что поезд настойчиво движется вперед, сделал еще один заход вдоль состава и прошил его пулеметной очередью. Пули забарабанили по крышам.

— Врешь, не будет по-твоему, летучая дрянь! — крикнула Валя, сбрасывая четвертую бомбу. Ею овладел восторг победы. Ругая немецкого летчика, будто он мог слышать ее, Валя бежала по качающимся крышам. Последняя бомба светилась почти в конце состава. Стремглав кинулась она к горящей бомбе, перескакивая черные пропасти над буферами.

Иванов метался от окна паровоза к тендеру. Он видел, как Валя полезла на тендер, как она, пробегая по крышам вагонов, потушила одну за другой четыре бомбы. Безумный страх за любимую девушку толкал его к тендеру, сознание долга — обратно к регулятору. Остановить поезд? Нет, нельзя! Проклятый самолет привязался, как оса. Надо уходить! И машинист прибавил скорость, рискуя догнать поезд, идущий впереди. В голове его билась мысль: — Ну, что же они? Почему они

не стреляют. зенитчики в хвосте поезда? Может быть, они убиты?

Самолет не отставал от поезда. Он сделал еще один заход. Машинист начал выбрасывать из трубы клубы черного дыма, стараясь окутать им вагоны, скрыть их от наглого стервятника. Но было поздно. Немец опять прошил пулеметной очередью весь состав и Иванов увидел, как Валя рухнула на крышу вагона.

— Валя! — с отчаянием закричал он. — Валя!

Теперь вражеский летчик кружил над паровозом и поливал будку свинцовым дождем, стараясь поразить машиниста. Но Иванов уже не замечал этого. С тупой болью в душе, почти не сознавая, что делает, он нажимал рукоятку регулятора.

— Погибла... погибла!

В будку посыпались разбитые стекла передних окон. Иванов выглянул в боковое окно и убедился, что поезд цел — все вагоны бежали вслед за паровозом. И злобная радость вдруг овладела машинистом.

— Что, мазила чортова!? — яростно закричал он. — Ворона безглазая! Эх, пулемет бы мне, я бы тебе показал, как с русским механиком связываться!

Внезапно длинная пулеметная очередь трассирующих пуль протянулась от хвоста поезда к самолету, и Иванов увидел, как, вспыхнув

ярким пламенем и прочертив в воздухе огненную дугу, фашистский стервятник грохнулся позади поезда. Осатаневший от неудачной охоты немец не заметил, что из товарного вагона, где ехала охрана поезда, за самолетом неотступно следовало дуло крупнокалиберного пулемета: пулеметчик подкарауливал наиболее удобное положение, чтобы бить по врагу наверняка.

Валя очнулась от холода и острой боли в груди. Подняв голову, она увидела пламя и дым — горела крыша соседнего вагона. «Пятая бомба!» Девушка попыталась встать, но дикая боль пронизала все тело.

«Пустяки. Доберусь, близко...» Стиснув зубы, Валя ползком продвинулась к краю вагона. Почувствовав, как намокает комбинезон на груди, девушка сунула руку за пазуху. Кровь! Жалобно, по-детски всхлипнув, она тихо сказала: — Саша, меня ранили... — Ветер трепал ее волосы, разраставшееся пламя обдавало жаром. Перед Валею неодолимой преградой встал темный провал между вагонами — последнее препятствие на пути к последней бомбе.

— Один прыжок — и все в порядке, — прошептала она. — Смелее, Валя! — Но невыносимая боль снова свалила ее с ног. Девушка упала на бок, свесившись над буферами. — Саша, милый! Помоги...

Когда сбитый самолет рухнул, машинист, резко затормозив, остановил состав. Вместе с кондукторами он быстро потушил пожар и кинулся к месту, где лежала Валя.

— Может быть жива, жива, — дрожащими губами шептал он.

Вот и Валя. Сдерживая дыхание, Иванов наклонился над ней. Широко открытыми глазами девушка смотрела в сторону сгоревшего вагона; правая рука была крепко прижата к груди, лицо искажено страданием.

Мертва!

И вот опять поезд в пути. Саша стоит у регулятора и, напрягая зрение, смотрит вперед. Светает; серая мгла сменяет темноту, обнажая пробоины на паровозе. В будке один Саша. На душе у него невыносимо тяжело. Побелевшими губами он, сам того не замечая, беспрерывно твердит: «Валя, Валя... Родная, любимая...»

Близок Ленинград. Длинный, тяжеловесный поезд с продовольствием прибывал на конечную станцию.

Иванов обернулся к тендеру. Луч восходящего солнца скользнул по лицу мертвой девушки, лежавшей на поленьях. И Саше показалось, что она, ласково улыбнувшись, сказала ему:

— Води поезда, Саша. Это — против них!

Глава IV

Торфяной дом. — Бомбардировка. — Морозов завтракает

От разрыва бомбы содрогнулась земля. Морозову показалось, что откуда-то снизу раздался глухой удар: он ощутил его всем телом. Лежа на торфе лицом вниз, ревизор почувствовал, как ему на спину падают какие-то куски. Он пробормотал:

— Свалится вот сейчас какое-нибудь бревно — и поминай, как звали.

Раздался еще удар, за ним еще, и еще. От сильной воздушной волны рассыпался шалаш, только что сложенный из кускового торфа. С трудом возведенные стены, рухнув, засыпали собой и строителя.

— Ах, ты, чорт! — ругнулся Морозов. — Ну, что им мой домик дался?

Он с трудом начал выбираться из-под развалин. Торфяная пыль набилась в рот, попала в глаза. Морозов несколько раз чихнул и поднялся на ноги. Очищая пальто, извлекая из-за воротника целые пригоршни торфяной пыли, он продолжал ворчать.

— Спал ведь человек в своем собственном доме. Устроился довольно уютно, а им, видишь, не понравилось. Черти проклятые...

— Фю-у-у-у! — просвистели новые бомбы. Морозов проворно бросился на землю.

— Вот опять, — бормотал он, подбадривая

себя звуками собственного голоса. — Занимайся тут индивидуальным строительством, когда кругом немцы.

Новый удар бомбы изменил обстановку. Ревизор оказался внизу, а торф — наверху, опять засыпав его с головой. Снаружи торчали только длинные ревизоровы ноги.

Яростно разгребая торф, осточертевший ему за трое суток сидения в этом проклятом месте, он ожесточенно выплюнул несколько сгустков набившейся в рот пыли. В это время новая бомба шлепнулась в болото, подняв тучи грязи.

— Ох, не могу больше. И так каждый день! Господи ж ты, боже мой! На меня, старика, столько бомб тратят. Позавчера пятнадцать, вчера — двенадцать, сегодня... — Очередная бомба упала недалеко от Морозова, сбросив его в торфяной карьер на мягкую жижу из таявшего снега и торфа.

Поднявшись, он посмотрел на небо и усмехнулся:

— Ага! Улетели. Нечем больше швыряться? В путь не попали, а что касается меня, то та бомба, которая должна ушлепать меня, еще не сделана.

Ревизор пошел к полуразрушенному штабелю торфа и начал выбирать из него торфяные куски. Через некоторое время строительство нового шалаша было закончено.

Отойдя в сторону, Морозов посмотрел на

результаты своих трудов и, прищелкнув языком, похвалил себя:

— Молодец, Алексей Семенович! Архитектор! — Затем, пожевав губами, он сказал: — Однако, есть хочется.

Пошарив по карманам, Морозов с сожалением покачал головой: все съедено, больше ничего нет. Три дня назад, когда его привезли сюда и ссадили с дрезины, поручив обслуживать по ночам сигнал «живой блокировки» и пропускать поезда, у него был килограмм хлеба. Верный своему принципу — не мучиться мыслями о том, что у него что-то есть, — Алексей Семенович уничтожил свои запасы на второй день, и сейчас голод сильно давал себя чувствовать. Веселое настроение, обычно не покидавшее его даже в самых сложных положениях, несколько испортилось. «Неужели никто не приедет?» — подумал он. Как бы в ответ на его мысли вдали послышался треск мотора легкой дрезины.

— Жив, Алексей Семенович? Держишься? — окликнул ревизора сошедший с дрезины заместитель начальника службы движения, Угрюмов, инженер, который на деле осуществил идею «живой блокировки».

Морозов повеселел.

— Жив, товарищ начальник. Тут нельзя неживым быть. Сейчас такой «жизни» дали, что ой-ой-ой, — ответил он.

— А как вы себя чувствуете?

— Отлично. Только вот... — Морозов замялся.

— Что — «вот»?

— Магазинов тут нет, товарищ начальник. Купить, знаете, негде, — ухмыльнулся ревизор, почесывая седую щетину на подбородке.

— Мы пытались развезти всем вам пищу, — ответил Угрюмов. — С трудом достали котел супу, погрузили на вагонетку, посадили несколько рабочих с раздатчиком и повезли. Только первому сигнальщику и досталось. А дальше... — Угрюмов махнул рукой.

— Всех убило? — тихо спросил Морозов.

Угрюмов помолчал, потом, вынув из кармана кусок хлеба и немного табаку, подал ревизору:

— Вот, возьмите, Алексей Семенович.

— А как же вы, товарищ начальник?

— Ничего. Я уеду отсюда, и в городе, может быть, достану, а вам еще надо тут сидеть. Потерпите, дорогой, скоро вас сменим, а сейчас пока для замены людей нет.

Морозов взял хлеб и табак и почувствовал, как слезы подступили к горлу. Он молчал.

— Ну, до свиданья, Алексей Семенович! Скоро ночь, пойдут поезда. Следите за ними хорошенько.

— До свидания, товарищ начальник! Спасибо за хлеб и табак. Будьте спокойны, все будет в порядке.

Глава V

Штаб на станции. — „Живая блокировка“. —
Поезда идут по трассе

— Ну, как? — крикнул в темноту, куда-то вверх, человек, стоявший у американского товарного вагона.

— Готово! — раздалось оттуда. — Давай другой!

Вагон служил помещением дежурному по станции Шлиссельбург. С крыши хорошо просматривалась трасса железной дороги до моста через реку и далее, до поворота. Далеко за рекой мелькал зеленый огонек, за ним второй, третий... Они то исчезали, то появлялись вновь. Это действовала «живая блокировка», введенная на участке для увеличения его пропускной способности, потому что автоматическую блокировку за такой короткий срок построить было невозможно. Увеличению пропускной способности участка служила и поточная система пропуска поездов, или, как ее в шутку называли железнодорожники, «система езды по чужому хвосту».

Все происходило очень просто. На высоком берегу, на обрыве, с фонарем в руке находился

сигнальщик, на крыше вагона — второй. Когда поезд, шедший на «Большую землю», проходил мимо сигнальщика, сидевшего на обрыве, тот поднимал фонарь и показывал в сторону станции зеленый сигнал. Увидев его, сидевший на крыше кричал вниз: «Давай другой!», — и с запасных путей, извиваясь на поворотах, бесшумно уходил в темноту очередной поезд, хотя предыдущий еще не успевал пройти первую станцию за рекой. Таким способом через самый опасный участок прифронтной дороги — через мост — можно было пропустить больше поездов, чем обычно.

Штаб руководства движением на прифронтной магистрали расположился в Шлиссельбурге; возглавлял его начальник отделения Александр Тимофеевич Янчук. Он отправлял все поезда и в Ленинград, и на «Большую землю». На всех станциях до Волховстроя ему помогали работники Управления дороги: Ельчанинов, Герасименко, Ковалев, Кананин, Извеков, Васильев, Карпов и другие. Филиал штаба находился на станции Войбокала. Им руководил начальник Ленинград-Московского отделения Николай Иванович Иванов.

Внимательно всматриваясь в темноту, машинист и главный кондуктор напряженно следили за сигналами поезда, шедшего впереди. Если он замедлял ход, шедший сзади замедлял тоже. Если он останавливался — шедший сзади

тоже останавливался. Впрочем, это бывало редко и вызывалось только внезапной порчей паровоза или разрушением пути и состава в результате обстрела. Как правило, поезда шли с определенной скоростью, которую запрещалось уменьшать или увеличивать. Поэтому расстояние между ними всегда было одинаковое. Обстрел, даже самый ожесточенный, в расчет не принимался. Машинисты держали заданную скорость, и не было случая, чтобы машинист, испугавшись обстрела, увеличил ход и ударил в хвост поезд, шедший впереди.

Это было в одну из напряженных ночей, когда немцы буквально забрасывали снарядами всю трассу железной дороги.

Поезд, который вел Иванов, остановился в Шлиссельбурге, чтобы сдать в эвакогоспиталь тяжело раненного кондуктора. Саша торопился — сзади шел другой поезд и нужно было во что бы то ни стало уйти от него. Но не пришлось. На станцию упало несколько снарядов. Один из них разорвался у самого паровоза, вырвав кусок рельса. Оглушенный, Иванов вылез из будки, внимательно осмотрел машину. Повреждений не было, но и ехать было нельзя, пока не отремонтируют путь. Саша похолодел: станция обстреливалась, а в поезде — снаряды!

Из темноты вышел начальник станции.

— Почему не едете?

Механик не успел ответить. Очередной немецкий снаряд разорвался с другой стороны состава. Иванов и Шевченко припали к земле. Из будки паровоза послышался испуганный голос кочегара:

— Фу, ты, пропасть! Не знаешь, куда деваться!

— Почему не едете? — повторил вопрос Шевченко.

Саша молча посветил фонарем под паровозом. Константин Терентьевич тихо свистнул: «И-да!».

Как на-зло обстрел усилился. От начальника отделения пришел нарочный: Янчук категорически требовал, чтобы машинист немедленно ехал дальше. Шевченко быстро прошел к начальнику и доложил о происшествии. Янчук задумался. Что делать? Оставить состав на станции, пока не отремонтируют путь, — нельзя. Прямое попадание снаряда в любой вагон... и станцию разнесет в клочья.

— Вот что, — сказал он, — состав надо оттащить в сторону Дубровки.

Шевченко кинулся исполнять приказание. Вскоре к хвосту состава подошел маневровый паровоз и потащил вагоны в темноту, а под паровозом Иванова закопошились рабочие, пытаясь на скорую руку заменить разбитый рельс. Вдруг, на пути, где только что стоял

состав, разорвался тяжелый снаряд. Следующий снаряд опять разворотил путь позади паровоза. Теперь ехать можно было только вперед. Иванов озабоченно потер лоб.

— Если возиться с прикреплением рельса, дождешься, что снаряд угодит прямо в машину, — соображал он. И, обратившись к Шевченко, сказал:

— Перескочу и так. Не надо прикреплять.

— Смотри! — возразил тот.

— Ничего, машина прижмет рельс, проеду!

Начальник станции отошел в сторону, направив свет фонаря прямо под колеса локомотива. Паровоз, коротко выдохнув дым, рванулся с места... Когда он был уже далеко, Шевченко наклонился над путем... Рельс лежал на месте, — он даже не сдвинулся.

Глава VI

Сигнал зажжен. — Обстрел. — Что случилось? —
Риск. — Сигнальщик убит.

Морозов проснулся от холода. Первые несколько секунд ему казалось, что все его члены скованы. Трудно было подняться. Лязгая зубами, он вылез из своей торфяной норы. Одежда на нем набухла от сырости и пудовой тяжестью давила на плечи. Стараясь сбросить с себя оцепенение, он бегом направился к сигнальному фонарю. Вынув его из деревян-

ной станины, он прочистил сигнальные и ламповые стекла, подрезал фитиль и, чиркая отсыревшими спичками, с трудом зажег огонь. Дрожащий, зеленый свет упал на мертвенно бледное лицо Морозова.

Третью ночь у сигнала! Ревизор посмотрел направо. Там далеко мелькал зеленый огонек соседа. Движение еще не начиналось. Морозов еще раз осмотрел сигнал и повернул его зеленый глаз в левую сторону: отсюда должны были пойти поезда. Сегодня они идут в Ленинград.

Поезд появился из темноты неожиданно. Из окна паровоза высунулся Саша Иванов и, помахав фуражкой, крикнул:

— Отец, здорово!

— Здравствуй, сынок! — ответил Морозов.

Все шло нормально. Поезда проходили один за другим, на миг показываясь из темноты и снова исчезая. И почти с каждого паровоза или тормозной площадки знакомые голоса окликали ревизора: «Папаша, свети лучше!» — «Алексей Семеновичу-у!».

Иногда к его ногам падал небольшой пакет. В нем лежала вареная картошка, кусочек хлеба или еще что-нибудь из съестного. Кондукторы и машинисты, зная, что пожилой ревизор уже несколько суток стоит на дожде и холоде, делились с ним своей скудной пищей.

Прошел уже двенадцатый поезд, когда на-

чался обстрел. Но ревизор внимательно следил за сигналами, не обращая внимания на разрывы вражеских снарядов.

Из темноты показался очередной поезд и быстро скрылся. Хвостовые сигналы медленно удалялись и, наконец, исчезли вовсе. Однако сосед-сигнальщик все время показывал красный огонь. Морозов кинулся к телефону, висевшему тут же на столбе. Напрасно — телефон не действовал: где-то был перебит провод. Снаряды падали все ближе и ближе, противно повизгивали осколки.

«Что делать?» — тревожно подумал ревизор. — «Задержать следующий поезд? Нельзя — обстрел усиливается. Пропустить поезд на красный сигнал? А если на участке соседа остановился предыдущий состав? Тогда — крушение». Только теперь тошное чувство страха охватило Морозова. Не от обстрела — нет! Его мучила мысль: что делать? Ведь от его решения зависит судьба двадцати поездов, еще не прошедших в сторону Ленинграда. Если остановить очередной идущий поезд — станут все остальные. А там начнет светать: немцы обнаружат поезда и поведут по ним прицельный огонь.

В мучительных поисках выхода, он крепко сжимал стойку фонаря и, до слез напрягая зре-

ние, всматривался в темноту. Нет, красный огонь отчетливо виднелся вдали. Что там случилось?

В это время слева темной длинной змеей выплз очередной поезд и остановился. Кто-то соскочил с тормозной площадки и бегом направился к Морозову. Он узнал Кардаша.

--- Что случилось, Алексей Семенович?

— Видите, Михаил Георгиевич, — ответил ревизор, и показал рукой на красный сигнал.

Оба старика посмотрели друг на друга.

— Стоять здесь никак нельзя. Дорога каждая минута. Садитесь на паровоз, Михаил Георгиевич, и поезжайте. Только смотрите в оба и сбавьте скорость при подходе к сигналу.

— Правильно, — ответил Кардаш. — Так и сделаем. На площадку хвостового вагона я посажу второго кондуктора с сигналами, а вы пропускайте следующий поезд. В случае опасности мы примем меры.

Поезд ушел. Как хорошо, что это был Кардаш! На него можно положиться.

И действительно, через восемь минут у соседа появился зеленый сигнал. Ревизор вздохнул свободно. Только сейчас он заметил, что на нем нет шапки. Коснувшись рукой лба, Морозов почувствовал боль. С головы капала кровь. В горячке он не заметил, как осколком с него сорвало шапку и оцарапало голову.

Впоследствии выяснилось, что сигнальщик, сосед Морозова, был убит осколком снаряда. Он так крепко держал сигнальный фонарь, что, и умирая, не выпустил из рук рукоятки. Кардаш взял с собой тело убитого товарища, а сигнальщиком на его место поставил своего кондуктора.

Глава VII

Утро. — Шабаров слезает с крыши. —
Рассказ о Янчуке

Наступало утро. Движение поездов прекратилось, и сигнальщик — ревизор движения Шабаров — слез с крыши товарного вагона. Из-за реки пришел другой сигнальщик. Сидя на скамейке у вагона, Шабаров негнушима от холода пальцами пытался свернуть папироску. Воспаленными глазами он из-под нависших бровей со злостью поглядел на пальцы, затем сунул их в рот, согрел и снова продолжал скручивать папироску.

— Ишь, чорт! — обратился он ко второму сигнальщику, — ведь ничего же не делал всю ночь, только на твой фонарь, Иван Семенович, любовался, — смотрел, как ты им мне подмигиваешь, а поди ж ты — устал! На табурете ведь сидел, на свежем воздухе — прямо курорт! И все же устал.

К отдохавшим подошел начальник отделения Янчук. Шабаров сказал ему:

— Тридцать пять поездов дали. Каково, товарищ начальник?

— И все благодаря тебе. Не сиди ты на крыше, ни один поезд ни почем бы не прошел, — усмехнулся Янчук.

Опустив воротник своей простой солдатской шинели, начальник отделения прошел к дежурному по станции.

Шабаров посмотрел ему вслед и, вздохнув, сказал:

— Вот человек, ей-богу! Ты посмотри на него. Худой, лицо серое, темное, глаза обведены черными кругами, — а как посмотрит он этими глазами — ой-ой-ой! Фитиля он умеет задать знаменитого. Никакой боцман на корабле так не сумеет.

— А тебя фитилил? — спросил собеседник.

— Фитилил, — с сожалением ответил Шабаров, — и сегодня, наверное, будет. Вот только в вагон приду отдыхать, посплю немного, он явится — и будьте любезны. Пожалуй, Варвара, на расправу. А что я сделал? Сигнал твой прозевал, а он по часам определил и давай меня снизу костылять: «Ты, — говорит, — такой, сякой, разэтакий, все движение мне сорвешь. Тебя, — говорит, — на крышу не спать посадили, а движением руководить. Если тебе, — говорит, — двух глаз мало, я тебе тре-

тий могу подставить!». И все, понимаешь, в таком роде... Ну, я молчу. Ему возражишь — хуже будет. Это он только сейчас сказал, что, де-мол, без меня поезда бы встали: не хотел при тебе жару задать, а потом задаст... А в общем правильно фитилил, — заключил Шабаров. Помолчали. Пыхтя «козьей ножкой», Шабаров продолжал:

— Мы тут с ним уже несколько месяцев каждую ночь орудуем, а то и сутки напролет крутимся, особенно если фрицы по станции и мосту долбят. Так он иной раз пожалеет меня, гонит спать, вроде как сегодня, а сам — кто его знает, когда и спит. Придешь в вагон, а он лежит на диване одетый, в ватнике, только сапоги снимет. Лежит, а у самого на голове селекторные наушники надеты. Там ведь, в наушниках, весь разговор происходит, станции с диспетчером разговаривают. Так он спит и этого не слышит, а уж если его станцию помянут, или кто-нибудь с диспетчером заспорит, или вообще что-нибудь неладное — моментально проснется, глаза вытаращит и давай их чесать по селектору. Поставит всех на место, и опять прикурнет...

Снова помолчали.

— Скажи, Федор Елифанович, а ты на старом мосту, на переправе, сидел, пропускал там поезда? — снова спросил собеседник.

— Как же! И не одну ночь, а много. Там хуже, чем здесь на крыше. Мост низенький, всего полметра над водой. Холодище чертов! Попробуй, посиди всю ночь, да еще не одну, а несколько. Помню, первую ночь чуть не погиб там.

— А почему?

— Очень просто — почему. Провели мне туда телефон полевой. Уселся я с ним и не сообразил, что мост узкий и, если поезд придег, — деваться некуда. И никому другому это тоже в голову не пришло. Сажу, жду. Стемнело. Вижу — со станции первый поезд на мост заворачивает, и чуть-чуть через жалюзи фарами посвечивает. Тут меня и осенило: «Батюшки мои! А куда же я денусь?». Ведь сажу на середине моста, кругом вода, ширина моста два метра, как раз поезду пройти, а мне, бедному, и деваться некуда. Бежать от поезда? Не убежишь, да и нельзя: как же это так — пост оставить. Ну, звоню на станцию, а сам на поезд гляжу и с жизнью прощаюсь. Ответил Янчук: «Чего тебе?» — спрашивает. — «Так, мол, и так, — докладываю, — погибаю: забыли досочку прибить для меня». А он кричит: «А ты что же, дьявол, смотрел, когда тебе телефон ставили?!» — «Миленький, — отвечаю, — товарищ начальник! Поздно теперь говорить об этом, меня уже поезд давит». А Янчук как закричит: «Лезь, дурак, в воду!».

— И полез? — поинтересовался собеседник.

— Полез. У-ух, ты, господи, твоя воля! По сие время, как вспомню, сразу замерзаю, до того меня тогда эта ледяная вода ожгла. Окунулся по горло, глаза вытаращил от собачьего холодища и держусь руками за сваи, а поезд громыкает надо мной. И до того он мне длинным казался, не приведи — vedi!.. Прошел поезд, вылез я из воды курица-курицей. Руки едва шевелятся, ноги не двигаются. «Мама» сказать не могу. Звоню на станцию — прошел, мол, поезд, давайте другой. А Янчук спрашивает: «Ты чего — каши или воды в рот набрал — ничего не понять». Я ему отвечаю: «Вымок я». — «Ничего, — отвечает, — сейчас я тебе досок и гвоздей пришлю»... Ну, пока он прислал, — время-то ведь идет, и поезда тоже! Окунулся я еще раз пять, затем устроили мне перерыв между поездами на пятнадцать минут, и он прислал человека с досками и гвоздями, да, кроме того, свои штаны, шапку, шинель и даже белье. Тут же на мосту я и переоделся, пока плотник площадку делал. Ну, схватил я там насморк — и ничего больше.

— Да, досталось тебе, — посочувствовал собеседник.

— Ни черта! — закончил Шабаров и, пожав руку товарищу, быстро зашагал к вагону.

Глава VIII

Мария Яценко. — Диверсанты. — Игорек

— Послушайте, Яценко, — говорил Шабаров. — Как бы это вам объяснить... Ну в общем, вам дежурить больше нельзя. Идите в больницу или куда там вам полагается.

И он посмотрел на располневшую фигуру стоявшей перед ним стрелочницы. Она покраснела.

— Рано еще, товарищ начальник. Я ведь лучше знаю.

— Хм! А если, того... да на дежурстве, а?

— Да нет же! Честное слово, я могу еще работать, товарищ начальник. Очень прошу, разрешите дежурить.

— А Янчук? Увидит, что я разрешил, — тогда будет погром.

Но стрелочница так умоляюще смотрела на него, что Шабаров только махнул рукой.

Марию Яценко одолевал сон. Дремота затуманивала сознание. Временами она ловила себя на том, что спит. Тогда Яценко выходила из будки и проверяла стрелки. Было тепло, тихо и темно. Свет стрелочных фонарей мерцал то белыми, то желтыми огнями. Вдали, высоко на фоне ночного неба, мигал сигнал семафора. Освежившись, Яценко возвращалась

обратно и, усевшись на скамейку, смотрела в окно. Напротив желтым кругом светился стрелочный фонарь. Когда она долго смотрела на него, ей казалось, что это луна ласково заглядывает в окно будки.

Но побороть дремоту с каждой минутой становилось труднее. Опять захотелось спать... Яценко встряхнула головой: нужно быть на чеку. Вдруг она ясно ощутила в себе толчок. Женщина ласково улыбнулась. Это он, милый мальчик. Она была уверена, что родится мальчик. Муж так хотел иметь сына, Игоря... Стрелочница посмотрела в окно и удивилась. Сердце ее учащенно забилося. Почему вдруг погас стрелочный сигнал?

Захватив с собой ручной фонарик, Яценко вышла из будки. У дальней стрелки, пригнувшись к земле, копошились двое людей. Стрелочнице стало страшно. Чтобы не выдать себя, она быстрым движением погасила фонарь. Стук сердца гулко отдавался в ушах. Что делать? Закричать о помощи? Свои не услышат. Позвонить из будки по телефону? Бандиты скроются, как только раздастся треск наружного звонка телефона. Еще не зная, что она будет делать дальше, Яценко пошла вперед, сжимая в руке погасший фонарь. Вот они! Мария услышала лязг железа и хриплое дыхание людей, ломавших замок. Стрелочница ясно

различала фигуры: одна низенькая и толстая, другая — длинная и тощая.

Опустившись на землю, Яценко медленно поползла между рельсов.

Удар фонаря о рельс выдал ее. Люди, возившиеся у стрелки, кинулись бежать. Не помня себя, Яценко вскочила на ноги.

— Стой, — крикнула она.

В несколько прыжков («и откуда силы взялись?» — удивлялась она потом) Яценко сразу настигла одного из диверсантов. Он был толстый и прихрамывал на одну ногу. Удар фонарем по голове свалил его с ног.

Яценко размахнулась второй раз, но лежавший на земле ловко увернулся, и она упала, сильно стукнувшись головой о рельс. Тем временем второй бандит кинулся на помощь первому и ударом гаечного ключа оглушил женщину.

Согнувшись, Мария инстинктивно закрыла руками живот. Теперь мысль ее была занята одним: защитить будущего ребенка. Вдруг страшный удар по голове оборвал сознание. Она затихла. Тогда диверсант, которого она сшибла с ног, еще раз ударил ее ногой и сказал:

— Подохла...

Острая боль вернула Марии сознание. Скрипнув зубами, она схватилась за живот. До слуха долетел шопот мужских голосов.

Женщина, подавив готовый вырваться стон, открыла глаза. «Они еще здесь!».

Диверсанты заканчивали «работу». Яценко увидела, что стрелки переведены на путь, где стоят вагоны с грузом. У первой стрелки был вынут остряк,¹ — значит прибывающий поезд неминуемо врежется в вагоны.

«Вот чего они хотят! Вызвать крушение, разбить вагоны, погубить грузы, устроить завал, остановить движение!»

Стрелочница похолодела от ужаса. Она забыла, что все ее тело ноет от побоев, она лишь видела перед собой неясно маячившие в темноте фигуры людей. «Нет, не уйдете, проклятые!»

Она пошарила вокруг руками и — о, счастье! — нащупала большой гаечный ключ, брошенный бандитами. Сжимая его, она бесшумно подползла к ним и поднялась на ноги — страшная, окровавленная.

Диверсанты оглянулись, но было уже поздно. Толстяк с раскрытым черепом, хрипя, свалился на землю. Яценко кинулась на другого. Схватившись в неравной борьбе, оба упали на рельсы. Рука бандита искала шею женщины. Ключ отлетел в сторону. — «Рожок!» — мелькнуло у нее в голове. И в ту же

¹ Остряк — подвижная часть стрелки.

секунду резкий и сильный гудок стрелочного рожка раздался в ночной тишине.

А диверсант, одной рукой сжимая горло стрелочницы, другой пытался вырвать у нее рожок. Яценко не сдавалась. Еще один тревожный сигнал прозвучал в ночном воздухе.

Удары сыпались по голове, по животу. Яценко изнемогала. Рожок выпал из ее рук. С последней вспышкой сознания она схватила зубами палец бандита и с силой сжала его зубами. Дикий крик прорезал тишину.

...Железнодорожники, прибежавшие на звуки рожка, вырвали истерзанную стрелочницу из рук обезумевшего бандита: он бил ее по лицу, пытаясь освободить свой палец.

Мария очнулась на станции.

— Покажите мне его, — прошептала она.

Когда ей подали сверток, из которого виднелось красное, сморщенное личико ребенка с зажмуренными глазками, она спросила, не сомневаясь в ответе:

— Мальчик?

— Да, — ответили ей.

Стрелочница счастливо улыбнулась.

— Игорек, мой милый! Храбрый мой мальчик! — И она нежно прижала сына к груди.

Глава IX

Снаряд между тендером и вагоном. — Как сцепить состав? — Резак выручил!

Бригада Иванова пополнилась новыми людьми. Помощником машиниста прислали молодого парня, влюбленного в машину, комсомольца Филиппова, а кочегаром — комсомолку Исаеву, веселым нравом напоминавшую Валью.

Саша был доволен новым помощником. На паровозе всегда царил порядок. Исаева навела на паровозе почти больничную чистоту и даже повесила на окна паровозной будки маленькие занавески. Несколько поездок Саша совершил благополучно, отделавшись одной легкой контузией и царапиной на левой руке. «Главное — были бы целы вагоны и паровоз», — рассуждал он. Однако, в одну из ночей Иванов снова попал в суровую «переделку».

Поезд на большой скорости шел под уклон, когда немецкие артиллеристы открыли жестокий огонь по трассе. Один из снарядов разорвался между тендером и первым вагоном. Исаева, забравшаяся на тендер, камнем свалилась сверху и со стоном присела, схватившись обеими руками за ушибленное колено. Филиппов, оглушенный разрывом, стоял, прислонившись к стенке. Временную глухоту ощутил и Иванов.

Несколько оправившись, машинист полез на тендер и к ужасу своему обнаружил, что паро-

воз с разбитым тендером идет один: состав — оторвался. Мгновенная слабость охватила механика. Пстерять состав ночью, когда вслед идет еще много поездов! Что может быть страшнее? Первый же поезд с полного хода врежется в отставшие вагоны; произойдет крушение, которое надолго приостановит движение. «Надо немедленно найти состав и во чтобы то ни стало предотвратить крушение», — решил машинист.

— Ребята! — крикнул он. — Состава нет! Помощники остолбенели. Они со страхом смотрели на машиниста.

— Филиппов, — приказал Саша, — дай сюда электрический фонарь. Стой на моем месте и не понижай скорость.

Луч света, брошенный назад, обнаружил в темноте состав, бешено мчавшийся под уклон вслед за паровозом. Разбитые доски лобовой стенки переднего вагона белели не более чем в двадцати метрах от паровоза.

Иванов все понял. Разрывом снаряда была разбита сцепка. Поэтому-то паровоз и ушел вперед! Цепляясь за поручни, машинист слез к буферам. Но буферов не было: вместе со сцепкой их начисто срезало снарядом.

Что делать? Остановить локомотив нельзя: мчавшийся состав разобьет паровоз. Надо чем-то соединить паровоз и состав на ходу. Но чем, чем? Есть ли крюк на вагоне?

Саша кинулся обратно на тендер. Взгляд механика упал на резак,¹ лежавший на полу. С одного конца он имел петлю, другой был загнут в виде буквы Г.

— Филиппов! — крикнул Иванов. — Потихоньку сбавляй скорость, а когда я крикну «вперед» — прибавишь ход до прежнего. Понял?

Помощник утвердительно кивнул головой.

Иванов, захватив тяжелый и длинный резак, снова слез вниз, на разбитую часть тендера. Состав стремительно приближался. Держась левой рукой за разорванные листы железного ящика, Саша другой рукой вытянул вперед резак. Под ногами стучали колеса. При слабом свете фонаря быстро мелькали уходящие под вагоны шпалы, тускло серебрились нити рельсов. Проклятый резак тянул вниз, а вагоны были еще далеко. Напрягая зрение, машинист всматривался в разбитый вагон. Наконец, он заметил причудливо изогнувшийся кусок железного бруса. Быстро накинув на него петлю резака, Саша ловко бросил другой конец на выступ тендерного бруса. От натиска состава резак согнулся; толчок чуть не сбросил машиниста под колеса поезда. Иванов судорожно ухватился за остатки боковых поручней.

¹ Резак — род большой, толстой кочерги, служит для шуровки в топке паровоза.

— Вперед! — крикнул он.

Резак медленно выпрямился.

— Неужели сорвется? — с тревогой думал Иванов.

Поезд пошел в подъем. Железо заскрежетало. Брус выгнулся, но выдержал. Едва стоя на ногах, Саша смотрел на свою импровизированную сцепку и шептал:

— Ну, еще немного, всего только пять километров. Держись, держись!

И железо послушалось машиниста. Разбитый брус выгнулся, — он почти оторвался от паровоза, но резак упорно держался за него.

Так поезд и прибыл на станцию, сцепленный резак, который одним концом уцепился за разбитый металлический брус вагона, а другим — за еще более изуродованный брус тендера.

Глава X

Будни Шлиссельбурга. — Поезда проследовали
во-время

Шевченко уже несколько месяцев работал на станции Шлиссельбург. За это время здесь было построено несколько новых путей. Работники станции в свободное от дежурства время отремонтировали полуразрушенный дом, приспособили его под служебное здание и в один из летних дней перетащили в новое помещение

из опостылевшего тесного вагона столы, скамейки, папки с делами, чернильницы.

Парторг станции Константин Андреевич Калинин вместе с техником Журко, когда-то работавшей на Ладожском озере, развешивали в красном уголке портреты, лозунги. Вечером было торжественно отпраздновано новоселье. Выступал импровизированный джаз-оркестр под управлением дежурного по станции Павлова.

А еще через несколько дней прямым попаданием тяжелого снаряда деревянный дом был разрушен почти до основания. В нем погибло несколько человек. Опять пришлось переезжать в вагон... Неделю спустя, во время ожесточенного обстрела, сгорел и этот вагон. Тогда железнодорожники перебрались в землянки. Их заливало водой. Но больше перебираться было уже некуда...

Пассажирские поезда, еще несколько дней назад доходившие до станции, начали останавливаться в леске: это делалось для того, чтобы не подвергать грузы и пассажиров опасности обстрела. В этом же леске разместились вагоны, в которых помещался штаб руководства движением.

Станция опустела. Каждый день немцы стреляли по ней, разрушая пути, но к вечеру, когда обстрел кончался, люди восстанавливали

разрушенное, и ночью, как ни в чем не бывало, один за другим здесь проходили поезда.

Перед началом каждой смены Шевченко и Калинин собирали работников и давали им задание на предстоящую ночь.

После планерки смена уходила на работу. Расходились по одному человеку: это делалось для того, чтобы в случае внезапного обстрела было меньше жертв. Но, завернув за вагон, все собирались вместе и «гуртом» шли на станцию. Так было веселее!

...Сегодня на дежурство шла смена дежурного по станции Василия Семенова. Один за другим выходили из вагона составители, стрелочники, конторщицы. Они собрались у крайнего вагона и, покуривая, двинулись на станцию. Вдруг тишину разрезал нарастающий свист. Снаряд разорвался в канаве, подняв в воздух тучи грязи. Все кинулись врассыпную. Семенов почувствовал жгучую боль в левой ноге. Он упал. Однако сознание не покинуло его. Стиснув зубы, он встал.

— Живы?

Осторожно оглядываясь, поднялись остальные.

— Живы, товарищ начальник.

— Пошли! — сказал Семенов.

Но свист нового снаряда заставил его лечь на шпалы.

Когда земля, поднятая взрывом, осела, он снова встал.

— Теперь можно идти... Пошли! — повторил дежурный по станции, стараясь подбодрить товарищей.

Семенов чувствовал, как кровь лилась по ноге; голова его кружилась, к горлу подступала тошнота. Но ему не хотелось, чтобы подчиненные заметили его слабость. И, преодолевая мучительную боль, он вдруг запел высоким чистым тенором:

— Эх, Дунай, ты мой Дунай!

Звонкий его голос далеко разливался во круг, верхние ноты дрожали в ясном воздухе. Несколько минут Семенов пел один. И вдруг, словно по команде, вся смена, точно забыв о только что пережитом, подхватила знакомый мотив. Так, с песней, и пришли на работу.

...Ночью Семенова увезли в эвакогоспиталь.

Глава XI

Дома. — Опять в пути. — Налет врага. —
Кардаш ранен

Михаил Георгиевич Кардаш дома бывал редко. Вот уже несколько месяцев он жил в турном вагоне, а когда выпадала свободная

минутка, забежал домой — повидать жену, взять свежее белье, сходить в баню.

— Непутевый ты у меня, Мишук, — ласково выговаривала ему жена, — ведь можешь чаще домой приходить. И где ты только пропадаешь? Добро бы молод был — подумала бы, за девушками бегаешь. А то ведь староват!

— Ну, ну, Женечка, — протестовал Кардаш, — какой я старый? Ты погляди... — И он начинал притоптывать и пританцовывать по комнате.

Евгения Эдуардовна, смеясь, смотрела на мужа и любовалась его небольшой, коренастой фигурой, открытым, честным лицом, на котором светились добрые серые глаза. Она и по сие время не видела разницы между теперешним Мишей и тем, с которым познакомилась 35 лет назад.

Главный кондуктор любил своих товарищей по бригаде, деливших вместе с ним опасность и ежедневно смотревших в лицо смерти. Они ему платили тем же. Уже тридцать один год работал Михаил Георгиевич на транспорте, но самыми яркими в своей жизни он считал вот эти грозные, опасные, увлекательные дни, эти месяцы работы для блокированного Ленинграда.

К каждой поездке Кардаш тщательно готовился. Если он осмотрел состав, и принял

его — можно было быть совершенно уверенным, что поезд действительно в полном порядке.

Сегодня Кардаш совершал очередную поездку. Состав вез смертоносный груз, предназначенный «в подарок» немцам. Как всегда, главный кондуктор стоял на площадке вагона и, обняв правой рукой стойку, внимательно смотрел то в одну, то в другую сторону. Он знал, что без обстрела рейс не обойдется, и ве спускал глаз с поезда, чтобы в случае опасности немедленно принять меры.

И обстрел начался. Впоследствии Кардаш говорил, что подобной поездки он еще не совершал. Снаряды падали по обеим сторонам состава в таком количестве, что в воздухе стоял сплошной вой. Вскоре в этот бешеный концерт мощно вмешалась наша артиллерия, бывшая по батареям немцев, и персонал поезда потерял всякое представление о том, кто, откуда и куда стреляет. Крупные комья земли, камни, целые кусты и громадные куски деревьев взлетали в воздух, обдавая грязью и оглушая свистом стоявших на площадках кондукторов.

«Только бы не в поезд», — мучительно думал Кардаш, — «только бы не в поезд!» Он знал: достаточно одного прямого попадания в лежащие в вагонах авиабомбы — и от поезда не останется ничего. О себе он не думал.

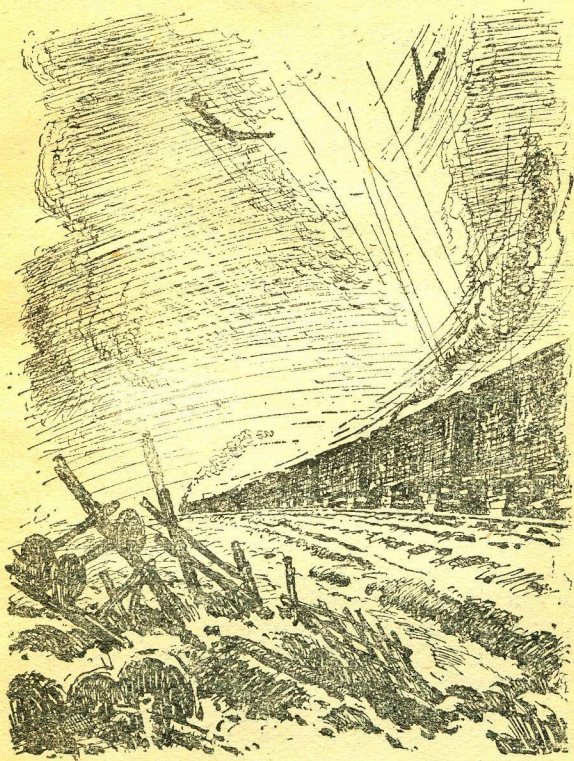
Чтобы лучше видеть ходовые части вагонов, главный кондуктор спустился на нижнюю ступеньку площадки и, нагнувшись, сквозь треск разрывов прослушивал ход поезда. Нет, пока все нормально...

Вдруг что-то зашипело. Неужели перебило воздушную магистраль? Если никто из кондукторов не ранен и не убит, поезд можно вести дальше на ручных тормозах, но если... Он даже бсялся думать дальше. Ничего хорошего не может произойти, если некому и нечем тормозить состав, в котором везешь, примерно, такой же груз, какой сейчас фейерверком рвался вокруг поезда. Но шипение прекратилось — тормоза в порядке.

— Ах, ты, чорт возьми! — выругался Кардаш после очередного разрыва, почувствовав, что с его головы слетела шапка. Поезд настойчиво пробивался вперед, прокладывая себе путь среди смертоносного вихря железа, дерева и земли.

За спиной главного кондуктора раздался продолжительный раскатистый скрежет. Старика бросило куда-то вверх, потом вниз. Больно ударившись обо что-то спиной, он увидел, что лежит на буферах между вагонами быстро идущего поезда. От разрыва снаряда разнесло в щепы весь кузов вагона вместе с площадкой, где Кардаш только что стоял.

Ему положительно везло. В этом вагоне

... Пoслышaлись вьстрeлы зeнитoк и слeдoм —
нaрaстaющeй вoй сaмoлeтoв.

были медикаменты. Острый запах карболового раствора ударил в нос.

Судорожно цепляясь за остатки кузова, главный кондуктор вылез в разбитый вагон и, тяжело опустившись на пол, ощупал себя. Ран не было, но сильно болели ушибы. Левая рука совсем онемела.

Внезапно обстрел прекратился. Поезд мчался среди двух стен лесной чащи, укрытый от немцев деревьями. Лес скрадывал шум поезда; в нем терялся и легкий дымок, который время от времени вырывался из трубы паровоза.

Двадцать шестой километр позади!

Кардаш с облегчением вздохнул и ладонью вытер пот со лба. Холодный ветер шевелил его редкие седые волосы. Скорчившись, он сидел на уцелевшем кусочке разбитого кузова; сильные порывы ветра едва позволяли ему держаться на шатком островке, под которым стучали колеса. Только теперь, когда главная опасность уже миновала, ему стало немного жутко... Вот и станция Поляна. Поезд внезапно остановился. Вражеские самолеты разрушили путь. Дежурный по станции сообщил, что ремонт будет закончен через час-два. Главный кондуктор пошел в турный вагон взять запасную шапку.

Отдыхающая смена готовила себе обед. Кое-кто читал книги, газеты; в одном из купе играл патефон.

— Товарищи, слушайте!

Все насторожились. В самом деле: вблизи слышались выстрелы зениток и следом — нарастающий вой самолетов. Стая немецких стервятников пикировала на станцию. Земля содрогнулась от ударов бомб.

Отдыхавшие в турном вагоне выбежали и легли на землю. И во-время: почти в то же мгновение. около вагона упала бомба.

Когда самолеты улетели, а пыль и дым рассеялись, все увидели, что от турного вагона остались только изуродованные стенки. Крыши не было; скамейки, полки, вещи обитателей вагона были буквально перемолоты взрывом. Один из кондукторов протяжно стонал, лежа на земле.

Вдруг откуда-то из кучи досок, битого стекла и тряпья слышалась возня, затем раздался сердитый голос Кардаша:

— Эй, вы, там! Оттащите доски. Долго я ждать буду?

Старик вылез наружу, запорошенный пылью, засыпанный мелкими блестками стекла. Втроей раз за эти сутки сорвало с него шапку. Трубка, которую он только перед разрывом бомбы, закурил, была крепко зажата в зубах.

— Михаил Георгиевич! Живы, целы?

— Жив и цел. — ответил Кардаш.

Но это было не совсем так. Жив-то он был жив, но его правая рука висела, как плеть: в нее вонзились три осколка.

Опасаясь, что немецкие летчики разглядели поезд и вернутся назад, Кардаш предложил замаскироваться. Так и сделали. С помощью кондукторов поезд был расцеплен на несколько частей, вагоны замаскированы, а паровоз отогнан в лес. И не напрасно: через некоторое время несколько вражеских самолетов, мётя в поезд, снова сбросило бомбы на станцию.

В эту поездку из пятнадцати членов бригады девять были ранены. Несмотря на серьезные ранения руки, Кардаш отказался лечь в больницу.

— Ну, зачем я лягу в больницу с этой пустяковиной, — говорил он врачу, явившемуся к нему на квартиру. — Давайте лучше чайку или водочки выпьем.

Видя такое упорство, врач ограничился тем, что взял с него честное слово ежедневно ходить на перевязки.

С перевязанной рукой Кардаш продолжал сопровождать поезда.

Глава XII

„Чумазик“. — Главный кондуктор Иванов. —
Бензин сп. сен!

Ночь кончалась. Со станции Волховстрой готовили к отправлению в Ленинград последний поезд. Двадцать девять поездов уже ушло, — это был тридцатый.

У паровоза работали машинист, его помощник и кочегар. Они внимательно осматривали готовую к рейсу машину. Стучали молотки, звенели гаечные ключи. Ходовые части обильно заливались маслом. Поезд должен был идти бесшумно, без скрипа, без отблеска огня.

Вдоль состава к паровозу шел главный кондуктор Иванов, внимательно оглядывая вагоны и сцепку. Остановившись у группы цистерн, он проверил запоры сливных рукавов. Его высокая фигура в короткой кожаной куртке то сгибалась, то распрямлялась, то совсем исчезала между вагонами.

У паровоза веселый молодой кочегар с перепачканным лицом, сдвинув кепку на затылок, яростно завинчивал гайку и напевал на мотив «Серого волка»:

— «Нам не страшен Гитлер-волк,

Гитлер-волк,

Гитлер-волк...

Мы его по роже — щелк»...

В такт песенке парнишка двигал ключом:

при словах «Гитлер-волк» он делал резкий рывок рукой, а при слове «щелк» — ударял ключом по гайке. Подняв голову, он заодно спросил подошедшего главного кондуктора:

— Ну, как, служба, — едем?

— Едем, — пробасил тот.

— Ну и большой же ты, — восхищенно выкликнул кочегар, оглянув Иванова снизу вверх, — прямо-таки Петр Великий. — И, довольный своей шуткой, паренек залиvisto засмеялся.

Главный кондуктор Петр Иванов действительно был высок ростом и широк в плечах. Его спокойное лицо было всегда тщательно выбрито, серые глаза смотрели внимательно и серьезно.

— Сейчас поедem... чумазик!

Про Петра Иванова в кондукторских бригадах говорили, что он безаварийщик. И в самом деле — за много лет работы у него не было случая аварии. Поэтому Иванову, в числе других лучших железнодорожников Октябрьской, доверили сопровождать поезда по единственной фронтовой ветке, соединявшей Ленинград со страной.

Уже начало светать, когда поезд вошел в опасную зону. Вокруг лежала серая мгла. Главный кондуктор, стоя на тормозе и ежась

от ночного весеннего холода, внимательно смотрел вокруг. Поезд шел плавно, без обычного лязга буферов, без дыма и огня, и только колеса чуть-чуть постукивали на стыках рельсов.

Обидно было Иванову. Обидно за то, что нельзя по-настоящему ехать — ехать так, чтобы телеграфные столбы мелькали в глазах, чтобы дым ровной полоской стлался над всем поездом и чтобы паровозный свисток звонко пел на переездах, у семафоров, а то и просто так, пугая зазевавшихся путников, идущих по откосу.

Паровоз тяжело задышал, из трубы вырвался небольшой столб дыма... И почти сразу же раздался звук далекого выстрела. Однако, вражеский артиллерист промахнулся: снаряд просвистел над поездом и разорвался далеко за ним.

Машинист высунулся из будки и вопросительно посмотрел на главного кондуктора.

— Ехать быстрее?

Иванов отрицательно покачал головой. Быстрее ехать нельзя. Это значит выдать себя окончательно, потому что в этом случае из трубы вырвется еще больше дыма. Снаряды начали ложиться все гуще и гуще — то справа, то слева, то сзади, то впереди поезда. И вдруг один из них со страшным треском

разорвался в середине состава. Иванов увидел, как во все стороны полетели щепки и серебром замелькали разлетавшиеся банки — в вагоне были консервы. Однако поезд продолжал идти прежним ходом. Кондукторы стояли на своих местах.

Обстрел усиливался. В воздухе стояли непрерывный свист и грохот, а до конца опасной зоны было еще далеко.

Иванов едва сдерживал желание махнуть рукой и крикнуть машинисту: «Давай!» Он уже собрался сделать это, но внезапно крикнул: «Стой!» — и показал красный сигнал.

Снаряд разорвался рядом с поездом. Главный увидел, что из цистерны, шедшей в хвосте, хлынула прозрачная жидкость. То был бензин. Авиационный бензин, который так нужен летчикам Ленинградского фронта! Осколки пробиты цистерну в нескольких местах и ценное горючее хлынуло из пробоин во все стороны.

Машинист резко остановил поезд. Иванов подбежал к цистерне и быстро забил мелкие отверстия деревянными пробками, которые он всегда носил в своей сумке. Но на большую, величиною с кулак, пробойну в лобовой части цистерны пробки у него не оказалось. Мгновенно приняв решение, главный просигнализировал машинисту «вперед», а сам, вспрыгнув

на раму цистерны, прижался спиной к отверстию.

Поезд двинулся дальше. Струя бензина, толкая в спину, просачивалась сквозь кожаную куртку, плескалась за воротник. Через несколько минут Иванов вымок с головы до ног. Бензин жег глаза, попадал в рот. Но Иванов упрямо стоял перед цистерной, широко раздвинув ноги и зажмурив глаза. Он уже не прислушивался к разрывам. В ушах стоял звон, стук колес казался чрезмерно громким. В голове сверлила мысль:

— Если залетит искра от паровоза — сгорю живьем.

Когда поезд прибыл в Шлиссельбург, солнце уже взошло и было совсем светло. Люди подбежали к цистерне. Иванов стоял неподвижно, свесив голову. С него струйками стекал бензин.

Принесли большую пробку и, бережно сняв полубесчувственного главного кондуктора, забили дыру. Иванов постоял несколько минут, затем открыл глаза — они были у него совсем красные, — и сказал едва слышно, устало улыбаясь одними губами:

— Не курите около меня, а то я вспыхну.

Затем он сел на скамейку и спросил:

— А много вытекло?

— Ведер десять, не больше. На такую громадину это немного, — ответили ему.

Иванов вышел из больницы через несколько дней и снова стал сопровождать поезда с грузом для Ленинграда. Все пошло попрежнему. Не было в бригаде только веселого чумазого кочегара. В ту самую поездку, когда пробило цистерну с бензином, паренек был убит осколком снаряда. . . И каждый раз, подходя к паровозу, главный кондуктор с грустью вспоминал «чумазика», его веселую улыбку и нехитрую самодельную песенку: «Нам не страшен Гитлер-волк. . .»

Глава XIII

Ответственное поручение. — У диспетчера. —
Остановка в Полянах. — Гибель Иванова

Весна была в полном разгаре. Прифронтовой участок дороги работал уже третий месяц.

Когда машинист Иванов вернулся из очередной поездки, его вызвали к начальнику паровозной колонны. В кабинете он увидел военного моряка. Тот внимательно посмотрел на Сашу и спросил:

— Давно водите поезда на «Большую землю»?

— Два месяца.

— Под обстрел попадали?

— Почти каждую поездку.

— А в ваш поезд снаряды попадали? — продолжал спрашивать офицер.

— Бывало и это.

— А вы хотели бы освободиться от поездов по опасным местам?

Иванов гордо поднял голову. Он густо покраснел и уже собирался резко ответить моряку, но тот, поняв, что его вопрос оскорбил механика, поспешно сказал:

— Не сердитесь. Я вижу — начальник колонны не ошибся, рекомендуя вас, как машиниста, которому можно доверить особо ценный груз. — И моряк рассказал Иванову, что за груз будет в поезде и какие меры предосторожности при провозе его надо принять.

— Ведь я тоже бывший машинист, — дружески пожимая Саше руку, улыбнулся офицер. — Видите? — И он показал значок «Почетному железнодорожнику», украшавший его грудь.

— Сынок, милый, опять едешь? Ведь тебе отдыхать еще полагается.

— Нельзя, мать. Машинистов нехватает, а грузов много. Надо ехать.

Мать смотрела на Сашу затуманенными глазами. Вот так всю жизнь! Маленький был — со двора исчезал, что-то искал, что-то строил. Вырос — и опять дома нет. В кои-то веки раз приедет — переночует и снова уедет.

Анастасия Андреевна тяжело вздохнула.

— Понимаю, сынок. Хорошо понимаю. Кончится война — тогда вместе будем. Правда?

— Обязательно, — целуя ее, ответил Саша. — До свиданья, не скучай! Послезавтра приеду.

... Поезд готов к отправлению. Выглянув из будки, Иванов еще раз осмотрел состав. За паровозом стоял длинный ряд платформ с грузом, укрытым брезентом. Каждую платформу сопровождало несколько краснофлотцев. Все свободные от работы кондукторы, машинисты, помощники и кочегары находились на тормозных площадках. Они должны были обслуживать ручные тормоза, если на ходу обстрелом будут повреждены автоматические. Поезд нельзя было задерживать ни на минуту.

— Шабаров!

— Слушаю.

— Где 1519-й?

— Подходит к станции Дунай.

— Так. Значит скоро у нас будет. Мы его придержим и отправим в середине потока поездов. Все же лучше будет. Ночь сегодня светлая, — сказал Янчук. — Да, вот что: справься, кто ведет 1519-й.

Вернувшись, Шабаров доложил, что поезд ведет машинист Александр Иванов.

— А, Саша! Это хорошо... И еще учти, — добавил Янчук, — перед тем, как отправить его, сделаем интервал минут двадцать. Он везет серьезный груз. В случае обстрела надо дать ему возможность увеличить ход без риска догнать впереди идущий состав.

— Шлиссельбург, Шлиссельбург! — надрывался диспетчер у селектора. — Да, Шлиссельбург же, чорт вас поберит! Что вы, умерли все, что ли?!

— А ты приезжай сюда, попробуй, посиди на нашем месте, — слышался в репродукторе голос начальника отделения.

Диспетчер смутился.

— Извините, товарищ начальник. Я не знал, что это вы. Мне оператора надо.

— Нет тут никого, все в КП ушли. У нас идет «косой дождь», а ты такой трезвон поднял, что перекрыл треск на станции. Ну, что ты хотел?

— Бога ради, вернитесь в КП. Я хотел только узнать, где 1519-й.

— Где 1519-й? К несчастью, неизвестно...

Разговор прервался. В репродукторе раздались звуки разрывов. Люди, стоявшие в комнате диспетчера в Ленинграде, переглянулись.

Когда поезд перевалил через реку, Саша сказал Филиппову и Исаевой:

— Ну, ребята, ночь светлая. Ехать надо быстро и бесшумно. Если будет дымок из трубы, даже самый маленький, — смотрите у меня!

Вот уже и двадцать шестой километр — самое страшное место во всем «коридоре». Здесь, в турном вагоне, зажженном немецкими снарядами, заживо сгорела одна из лучших помощников машиниста, Таня Лысова... Эх, да что вспоминать! Сколько людей отдало здесь жизнь за Ленинград... Иванов выглянул из окна. Искалеченные, сгоревшие вагоны лежали под откосом. Кое-где виднелись разбитые паровозы. Исковерканные, превращенные в гигантские клубки спутанного ржавого железа и стали, они служили немymi свидетелями небывалого героизма ленинградских железнодорожников.

Саше запомнились исключительные по самопожертвованию и смелости поступки его учителей — машинистов Еледина и Елисеева.

Когда в поезде, который вел Еледин, осколками снарядов был поврежден автоматический тормоз, поезд остановился. Немцы усилили обстрел. Тогда машинист решил обмануть врага. Отцепив паровоз, он повел его к лесу, на ходу выпуская из трубы столбы черного дыма.

Отвлекая огонь на себя, он спасал состав...

Расчет оказался верным. Гитлеровцы начали стрелять по машине. Состав же, в котором находились боеприпасы, был спасен.

В лесу Еледин остановил машину, пешком вернулся к составу, починил тормоза, опять сбегал в лес, привел паровоз к составу и — на этот раз уже без дыма — увел поезд из-под обстрела...

А Елисеев... Перед самым паровозом тяжелый снаряд поднял в воздух тучи балласта. Остановив поезд, Елисеев увидел, что полотно впереди разворочено, шпалы вывернуты. Извиваясь зигзагами, вкривь и вкось лежали рельсы. Машинист потрогал руками оставшиеся костыли: шатаются. Как быть? Оставить состав на перегоне нельзя. И Елисеев рискнул ехать по развороченному пути. Поезд медленно двинулся, качаясь на рельсах, которые прогибались под ним до предела. Риск был оправдан: через полминуты на месте, где только что стоял состав, новый взрыв вздыбил в воздух остатки шпал, спирали рельс и тучи пыли.

Все это вспомнил Иванов, когда его поезд неслышно мчался вперед. На площадках платформ виднелись неподвижные фигуры кондукторов и краснофлотцев. Никто не курил. Кочегар и помощник переговаривались шопотом, как бы боясь, что их голоса могут услышать немцы.

Наконец, двадцать шестой километр остался позади. Скоро станция Поляны, а там и конец пути. В будке стало оживленнее. Саша отвернулся от окна и, улыбаясь, сказал Филиппову и Исаевой:

— Проехали, ребята!

В Полянах к паровозу подошел главный кондуктор Ковалев и предупредил, что придется постоять минут десять.

— Быстро ты едешь, Саша. Догнал поезд, шедший впереди, — добавил он.

С тормозных площадок сошли кондукторы и краснофлотцы; все с наслаждением растянулись на свежей, весенней траве. Кое-где потянулся дымок папиросы. Помощник и кочегар ушли за кипятком. В будке остался один Саша. И вдруг, около паровоза раздался взрыв громадной силы. Все вскочили. Удушливые клубы дыма поползли по сторонам. В первую минуту никто даже не понял, в чем дело. Все окаменели, ожидая еще снарядов. Но их не было: видимо, это был один, случайный, шальной выстрел.

Когда прошло оцепенение, все кинулись к паровозу. Около него, широко раскинув руки, лежал главный кондуктор Ковалев. Он был мертв. В исковерканной бесчисленными оскол-

ками будке паровоза лежала фуражка машиниста Иванова. Его самого нигде не было.

Когда паровоз с развороченной будкой и изрешеченным тендером был доставлен на станцию Волховстрой, на тендере, под слоем угля, было обнаружено изуродованное осколками снаряда тело славного ленинградского машиниста Александра Иванова.

Глава XIV

Обстрел моста. — Разговор о галошах. — Случай на мосту

Между тем, жизнь на станции Шлиссельбург шла своим чередом. Каждую ночь пропусклась пачка поездов то в Ленинград, то из Ленинграда. Немцы попрежнему стреляли по поездам, по железнодорожному полотну.

На места разрушений немедленно выезжали восстановительные летучки и вместе с ними — начальник отделения Янчук. Непосредственно в его обязанности это не входило, так как он руководил только движением на участке; однако, активная горячая натура не позволяла ему пассивно сидеть на месте. Каждый раз он брал инициативу в свои руки и лично руководил восстановлением.

Особенно часто гитлеровцы обстреливали и бомбили мост, пытаясь разрушить его и тем

самым остановить движение. Когда немцы начинали стрелять по мосту, немедленно пускалась в ход дымовая завеса. Но и она не всегда выручала. Когда разрушенный тяжелыми снарядами мост выходил из строя, поезд шли через старый мост, и только в том случае, когда были повреждены оба моста, движение временно прекращалось.

В один из осенних дней 1943 года Янчук только что лег отдохнуть, как раздался звонок телефона.

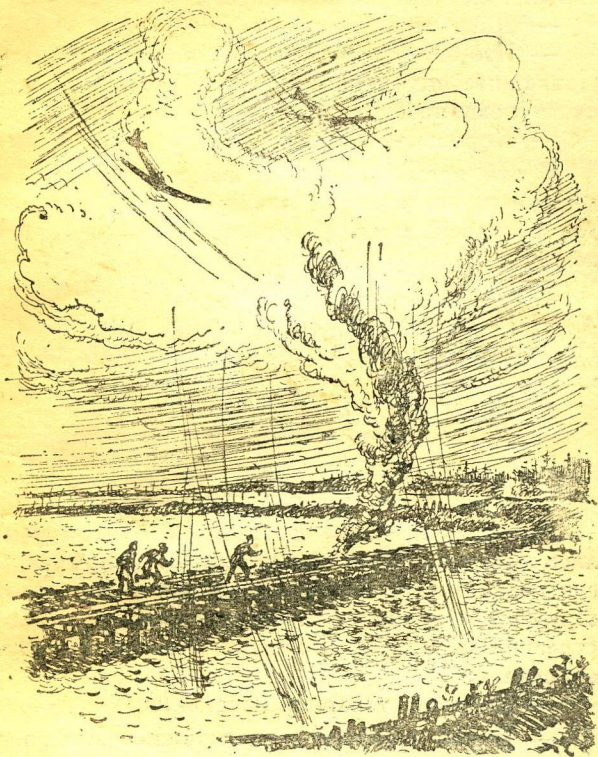
— А чорт! — вздрогнув от звонка, выругался он и взял трубку.

— Мост разрушен, — прохрипел в ухо чей-то простуженный голос.

Янчук выглянул в окно вагона. Над мостом стоял сплошной дым. Дежурный по станции сообщил, что центральная часть моста разрушена полностью. Чтобы враг не пронюхал о результатах обстрела, сообщения о размерах разрушений делались на условном языке.

Потребовав прямую связь с начальником дороги Саламбековым, Янчук доложил:

— У нас падает косой дождь; ваша дочка бегала по двору и сильно порвала новые галоши — оторвала подошву. Галоши я отдал в починку, но их починят не скоро.

Особенно часто гитлеровцы обстреливали и бомбили мост.

— Когда? — слышался в трубке нетерпеливый голос начальника дороги.

— Дней через шесть.

— Что-о? Это у вас не мастер, а шляпа! Прикажете ему починить за сутки! А дочка пусть пока побегает в старых галошах.

— Хорошо, — ответил Янчук.

В это время раздался второй звонок. От дежурного по станции сообщили, что поврежден и старый мост. Восстановление его займет не менее двух-трех суток.

Янчук опять вызвал начальника дороги.

— Понимаете, какая озорница ваша дочка! Не успели надеть ей старые галоши, она и их. . .

— Порвала?!

— Да. А этот чортов мастер говорит — двое суток. . .

— Безобразие! Сейчас сам приеду.

Янчук направился к станции. Кругом рвались снаряды. Итти было опасно. Пригибаясь, где ползком, где бегом, он добрался до первой стрелочной будки. Здесь, у стрелки, лежал стрелочник, старик Бочаров. Увидев Янчука, он сказал:

— Виноват, товарищ начальник.

— В чем виноват? — нагнувшись над ним, спросил начальник отделения.

— Не могу встать. . .

Оказывается, Бочаров во время обстрела не пошел в укрытие: он хотел выпустить со станции паровоз. Паровоз-то он выпустил, но был оглушен разрывом снаряда.

Янчук помог Бочарову перебраться в укрытие, а сам пошел в КП — обыкновенную землянку с одним накатом из бревен. Сооружение это спасало только от осколков, но не от прямого попадания.

Янчук решил вместе с работниками восстановительной бригады пойти до моста и точно установить размеры повреждения. Медлить было нельзя, так как каждый час задержки лишал Ленинград нескольких десятков вагонов груза.

На станцию приехал начальник дороги.

— Мы собрались на мост, — доложил Янчук.

— И я с вами.

— Но ведь там опасно!

— Везде опасно. Пошли, — приказал начальник дороги.

Наши батареи уже давно начали отвечать немцам, постепенно подавляя их огонь. Железнодорожники шли молча. Вот за поворотом показался мост, окутанный дымовой завесой. Металлическая ферма центральной части одним концом висела над водой; сложные пере-

плеты деревянных опор были порваны разрывами тяжелых снарядов.

— Шесть дней, — заявили восстановители.

— Шесть?! — с горячностью возразил начальник дороги. — Не согласен! Ленинград не ждет. Три дня. А старый мост надо починить к завтрашнему утру.

Страшный грохот прервал его слова. Толстые бревна с треском рухнули. Горько запахло дымом.

Кто-то истуПЛенно закричал:

— А-а-а-а!!.

Янчук почувствовал, как сильным толчком его сбросило вниз. Холодная вода сомкнулась над головой. Вынырнув, он ухватился за остатки бревен и, стуча зубами от леденящего холода, вылез наверх. Вода ручьями стекала с него. Одежда прилипла к телу. Начальник дороги стоял, согнувшись у изломанных перил. Его шинель была утыкана мелкими щепками. Он тяжело поднял голову.

— Оглушило немного, — сказал он.

Когда рассеялся дым, все увидели, что конец фермы окончательно упал в воду. Кругом торчали расщепленные концы бревен. Рельсы замысловатыми спиралями свисали над рекой...

Обратно возвращались мокрые, продрогшие, окровавленные, в порванной одежде. На

руках несли убитого работника восстановительной бригады.

... Несмотря на большие разрушения, новый мост был восстановлен через двое суток, старый — отремонтировали через несколько часов.

Глава XV

Награда

Кардаш заканчивал сто сорок седьмой рейс по «коридору смерти». Утром 7 ноября 1943 года поезд прибывал в Ленинград.

На станции Шлиссельбург его встретил Янчук.

— Поздравляю тебя, Михаил Георгиевич, от всей души поздравляю, — сказал он.

Екнуло сердце у старика. «Неужто наградят?» Но расспрашивать постеснялся. Да и некогда было: состав следовал дальше.

Когда поезд остановился на сортировочной, к Кардашу подошла группа людей во главе с начальником паровозной колонны Николаем Ивановичем Кошелевым. Люди, перенесшие с Михаилом Георгиевичем все невзгоды, вместе с ним не раз смотрившие в глаза смерти, тесно окружили его, пожимали руки и горячо поздравляли.

— С чем? — с трудом выговорил смущенный Кардаш.

— С высокой правительственной наградой: присвоением звания Героя Социалистического Труда, — ответил Кошелев.

Кардаш не ожидал такой высокой чести. Первые минуты он не мог выговорить ни слова и только молча пожимал руки товарищам, глядя на них широко открытыми добрыми глазами, в которых стояли слезы. Справившись с охватившим его волнением, он просто сказал:

— Я коммунист! Моя жизнь принадлежит Родине! ..

7 ноября 1943 года Указом Президиума Верховного Совета СССР 127 железнодорожникам Советского Союза за особые заслуги в обеспечении перевозок для фронта и народного хозяйства и выдающиеся достижения в восстановлении железнодорожного хозяйства в трудных условиях военного времени, было присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот». В числе награжденных были четыре работника Октябрьской железной дороги — начальник дороги Борис Константинович Саламбеков, главный кондуктор 48-й паровозной колонны Михаил Георгиевич Кардаш, машинист 48-й паровозной колонны Василий Михайлович Елисеев и машинист депо Москва пассажирская Василий Иванович Виноградов.

Всего за время Великой Отечественной войны правительственные награды получили пятьсот пятьдесят железнодорожников Октябрьской и среди них — орден Красной Звезды получил начальник отделения движения Александр Тимофеевич Янчук, ордена Отечественной войны 2-й степени — составитель Григорий Григорьевич Гайдучек и начальник станции Константин Терентьевич Шевченко. 21 тысяча железнодорожников Октябрьской награждены медалью «За оборону Ленинграда».

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

ПРОШЛО ЛИХОЕ ВРЕМЯ

Сияющий летний день. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь густую листву, яркими пятнами падают на траву, покрытую тенью ветвей. Вот за поворотом показалась бескрайняя водная гладь большого озера и серебристая лента реки. Рассекая воздух могучей стальной грудью, поезд приближался к станции Петрокрепость. Машинист, облокотившись на подоконник, смотрел вперед.

— Вот отсюда, — обратился он к своему помощнику, впервые ехавшему по этой трассе, — еще недавно начинался наш страдный путь.

Помощник машиниста тоже высунулся из будки. С левой стороны, на острове, возвышавшемся посреди реки, показались стены полуразрушенной немецкими снарядами старинной крепости. Под колесами поезда глухо прошумел мост. Паровоз, выбрасывая столбы дыма, взбирался на крутой подъем, оставляя в стороне город Петрокрепость.

— Еще недавно немцы не позволили бы нам так дымить, — сказал машинист.

— А тут что такое? — спросил помощник, указывая на разбитые и полуобгорелые вагоны и паровозы, лежащие под откосом. — Как их много!

— Это двадцать шестой километр, место героической гибели многих наших товарищей.

Машинист снял шапку, помощник и кочегар последовали его примеру.

А когда поезд прибыл на станцию Волховстрой, машинист сказал своим помощникам:

— Ну вот, а здесь кончался «коридор смерти»...

Он потянул рукоятку свистка. Раздался протяжный гудок, звучавший как-то особенно победно.

27-го января 1944 года мощным ударом войск Ленинградского фронта враг был разбит и отброшен далеко от Ленинграда. Блокада была окончательно снята.

Прошло лихое время. «Коридор смерти» превратился в обычную железнодорожную ветку ленинградского узла, но память народная на долгие годы сохранит славные имена бесстрашных ленинградских железнодорожников, мужественно работавших в «Коридоре смерти». Имена эти войдут в историю обороны великого

города наравне с именами бойцов и офицеров Красной Армии, отдавших свою жизнь в борьбе с немецкими захватчиками. Вот некоторые из них: машинисты Александр Иванов, Никитин, Матушинец, Чибисов, помощники машиниста Рыженко, Буянов, Гайдуков, Комаров, Таня Лысова, главные кондукторы Румянцев, Ковалев, Козин, Кириллов, старший кондуктор Уралова, связист Гусев. . . Запомни их, ленинградец! Они отдали свою жизнь за Ленинград, за нашу отчизну!

1942—1944 г.

Ленинград.

О Г Л А В Л Е Н И Е

<i>Вместо пролога</i>	Стр. 3
<i>Часть I.</i>	
<i>Глава I. „Красная Стрела“. — Эвакуация заводов. — В блокаде</i>	7
<i>Глава II. Оберегая грузы. — Всегда на посту. — Диверсант</i>	11
<i>Глава III. Мы вернемся. — Врагу ничего не доста- нется</i>	15
<i>Глава IV. Станция в глуши. — Рождение порта. — „Дорога жизни“. — Баржа пошла ко дну</i>	22
<i>Глава V. Финляндский вокзал. — Петр Федоров</i> .	26
<i>Глава VI. „Живой водопровод“. — В Ленинграде</i> .	30
<i>Глава VII. Василий Елисеев. — Первый „тяжело- вес“. — На сырых дровах</i>	34
<i>Глава VIII. Ленинградские вокзалы мертвы. — По- следние минуты Краева. — „Посмотри, что на- делали немцы“</i>	39
<i>Глава IX. Пожарники. — Радость. — „Ладожская стрела“</i>	45

Глава X. „Северная“ и „южная“ — На Ладожском узле. — Шевченко. — Парторг Аристов. — Один за двоих	50
Глава XI. Ладога летом. — „Вагонный поселок“. — В часы отдыха.	55
Глава XII. Обещание дано. — Прогулка по городу. — На пирсах. — Цистерны плавают!	59

Часть II

Глава I. Блокада прорвана! — Дорога на „Большую землю“. — Первый поезд. — На новую работу .	66
Глава II. Страдные будни. — Станция Шлиссельбург возрождается	70
Глава III. Первый рейс по новой трассе. — Налет врага. — Смерть Вали.	73
Глава IV. Торфяной дом. — Бомбардировка. — Морозов завтракает	81
Глава V. Штаб на станции. — „Живая блокировка“. — Поезда идут по трассе	85
Глава VI. Сигнал зажжен. — Обстрел. — Что случилось? — Риск. — Сигнальщик убит	89
Глава VII. Утро. — Шабаров слезает с крыши. — Рассказ о Янчуке	93
Глава VIII. Мария Яценко. — Диверсанты. — „Игорек“.	98
Глава IX. Снаряд между тендером и вагоном. — Как сцепить состав? — Резак выручил!	103

Глава X. Будни Шлиссельбурга. — Поезда просле- довали во-время	106
Глава XI. Дома. — Опять в пути. — Налет врага. — Кардаш ранен.	109
Глава XII. „Чумазик“. — Главный кондуктор Ива- нов. — Бензин спасен!	117
Глава XIII. Ответственное поручение. — У диспет- чера. — Остановка в Полянах. — Гибель Иванова	122
Глава XIV. Обстрел моста. — Разговор о галошах. — Случай на мосту.	129
Глава XV. Награда.	135
Вместо эпилога	138

Обложка и рисунки худ. *М. А. Таранова*

Редактор *Е. Л. Кац*
Корректор *Е. Н. Куренкова*
Техред *Л. Г. Левоневская*

Подписано к печати 20.VII 1945 М—01550
Тираж 20000. Формат бумаги $62 \times 90 \frac{1}{32}$.
Печ. л. $4 \frac{1}{2}$. Колич. уч.-изд. л. 4,01. Колич.
типогр. знаков в печ. л. 39 360 Изд. № 308.
Заказ № 2516

Тип. № 1 Управления издательств и
полиграфии Исполкома Ленгосвета

